

Именно «двадцать миллионов» народа имеет в виду Галинковский, когда говорит: «Русский воспитан в спартанской колыбели: и он видел у себя *отчийей* (патриотов), видел людей, которых великая душа не уступала в твердости чадам Ликурговым!». ⁴⁹ Русский народ, по мнению Галинковского, похож на древних в первую очередь своей жаждой подвигов. Говоря о народных забавах, он замечает: «Нигде мы не похожи столько на греков и римлян, как в сих занятиях. Наши позорища, наши игры во всем с ними сообразны. Греки и римляне были страстные охотники до кулачного бою, до борьбы, до ристалищ, до травли. Все сии зрелища прошли мимо глаз наших: потому, что они всегда были забавою одних неизнеженных бранноносных народов». ⁵⁰

Обоснованный таким образом интерес к античности имел две стороны. С одной — он был связан со стремлением к народности, гражданственности, эпическим жанрам и «высокому» содержанию и в этом смысле был бесспорно прогрессивен. Однако, с другой стороны, он обнаруживал ограниченность мировоззрения, неспособность увидеть героическое, поэтическое начало в реальном облике народа, стремление героизировать реального русского крестьянина, представив его в облике античного патриота. Время, предшествующее Отечественной войне 1812 года и последовавшее за ней, связано с интересом к проблеме эпического творчества и спорами вокруг русского гекзаметра. Зная, как определилась позиция Галинковского еще в 1802 году, мы не удивляемся, застав его позже, в 1813 году, в период оживления полемики по вопросам о русском гекзаметре, в рядах защитников греческого «стопосложения». Еще в 1804 году Галинковский, предвосхитив первые опыты и Востокова, и Мерзлякова (Гнедич обратился к гекзаметру позже), перевел гекзаметром первую эклогу Вергилия, снабдив перевод обширным теоретическим обоснованием. Однако «одна почтенная особа» (по-видимому, А. С. Шишков), которой доверил переводчик свой труд, не одобряя мысли переводчика, задержала печатание до 1813 года, о чем Галинковский с упреком сообщил в особом примечании. Теоретическое вступление переводчика примечательно. Оно намечает своеобразную периодизацию русского стиха. Первый период относится к господству силлабического стиха: «В начале XVIII века писатели наши слагали стихи по образцу польских. Но сей вкус кончился с Кан-

⁴⁹ Там же, стр. 166.

⁵⁰ Там же, стр. 167.